

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ВЕРЕ¹

Первое, что я хотел бы сказать о воспитании детей: дети — не наше будущее, дети — наше настоящее. С момента, когда они крещены, я бы сказал даже — с момента их зачатия, они уже являются полными членами Церкви Христовой. И поэтому очень большая ошибка думать, что сейчас они малые зверята, а вот когда вырастут, тогда из них люди получатся. Я говорил многим матерям и отцам, что духовное возрастание ребенка начинается во чреве матери, что постольку, поскольку мать живет во Христе, поскольку она живет чистой и молитвенной жизнью, поскольку она принимает таинства — и ребенок в этом участвует, потому что в течение всех месяцев до своего рождения ребенок — одно с матерью, их нельзя никаким образом разделить. И дальше (хотя это не мой опыт, потому что по обстоятельствам жизни я не получал никакого религиозного воспитания) мне кажется, что и после рождения очень важно, что упадет в душу этого ребенка — не через умственное восприятие, а через какое-то чутье, пока он еще даже ничего не понимает. Скажем, когда мать над ним читает молитвы, когда она поет церковные песни, когда она просто поет русские песни, от которых душа начинает каким-то образом формироваться, она уже начала человеческое и духовное воспитание ребенка.

То, что я сказал о светских песнях, меня поразило лет сорок тому назад. Мы начали здесь русскую школу, и была одна девочка (теперь она помощник старосты в нашем приходе, у нее собственные дети и внуки), которая все как-то не находила себя полностью. По-русски она говорила, знала, что она русская, но, как она мне потом говорила, когда она попала к нам в эту детскую школу и ее начали учить русским песням, что-то с ней случилось. Словно проснулись и задрожали в душе такие струны, которые до того спали, были мертвы, и она вдруг ожила в такой мере и до такой глубины, которой раньше не знала. Так что мне кажется, что очень важно и русские песни петь, и церковные песни петь.

И поэтому опять-таки я скажу: как важно, чтобы дети пели церковные песни, чтобы, когда они еще ничего не сознают, они слышали святые молитвенные слова. Причем сказанные из души в душу, не то что уставным образом протараторенные. Не просто над ребенком читать утренние или вечерние молитвы, а чтобы молитвы были сказаны так, что хотя ребенок их умом не воспринимает, но они куда-то в глубины его дошли. И это мне кажется очень основным делом.

---

¹ Записано 8 ноября 1993 г. См.: *Митрополит Антоний Сурожский. Брак и семья*. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2014. С. 188–199.

Дальше мне кажется, что ребенка надо воспитывать и примером, и собственным вдохновением. Если родители только говорят, как он должен себя вести, потому что он русский, как он должен себя вести, потому что он православный, как должен поступать или не поступать, потому что он христианин, для него и русскость, и православие делаются просто своего рода тюрьмой: это то, что ему мешает жить. Ребенку надо говорить о том, как он может расцвести, если только станет похожим на тех людей, которые могут нам служить примером. У нас в житиях святых не так мало детей, о которых можно упомянуть, рассказать, какие они были. Причем не такие вещи рассказывать, которые ребенку невдомек или которые, ясно, никогда с ним не случатся. Что-де такой-то ребенок совершил чудо — это другому ребенку не убедительно, потому что он знает, что никаких чудес сам не совершит. А рассказать, какая у того была личность, какое мужество, какая красота, какая любовь, какая жертвенность — ну, все самые благородные и прекрасные свойства в человеке: можно о них рассказать.

А кроме того ребенок должен быть в состоянии, посмотрев на своих родителей, видеть, что то, что ему рассказывают, на самом деле живет в них. Они, может быть, несовершенно, — это ребенок отлично понимает, но они стремятся жить по вере, и это составляет смысл и содержание их жизни; это дело другое. И чтобы он видел в них добротность, честность, те свойства, которые просто человечесны, но которые уже на грани святости, если только их коснется искорка Божия.

Разумеется, в какой-то момент дети должны узнать о Христе, они должны узнать об Апостолах, они должны узнать о ранней Церкви, о Церкви вообще, о богослужении и т.д. Но это надо делать так, чтобы это было для ребенка откровением и радостью, а не еще одним «уроком», который надлежит выучить. Поэтому передавать надо рассказ не в виде чего-то, что он должен заучить, а так же, как мы рассказываем тысячи вещей нашим детям или друзьям: рассказать то, что нас задело, что нас волнует, что так интересно, или прекрасно, или страшно. И ребенок может это воспринять, потому что если он почувствует, что мать, отец, бабушка, окружение *так* реагируют на то, о чем сами говорят, то он тоже будет реагировать, тоже войдет в это настроение. А как бы «разрабатывать» урок, чтобы он был и умен, и блестящ — лучше не стараться. У меня есть пример в памяти.

В Париже был замечательный священник и замечательный проповедник. Он и как человек был замечательный и проповеди для взрослых были убедительны и полны силы, но детьми он никогда не занимался. Как-то его пригласили в Русское студенческое движение, в воскресную школу, дать показательный урок. Посадили детей посередине комнаты, руководители и наставники сели вокруг, и этот священник провел урок. Когда урок был кончен, все взрослые были в совершенном восторге — так это было стройно, так логично, так крепко, так выпукло. Лев Александрович Зандер подошел к одному из детей, семилетке, и говорит:

«Ну, как тебе понравился урок?» И мальчик ответил: «Замечательно было; жалко только, что батюшка не верит в то, что говорит». Это неправда; священник верил в каждое слово, которое произносил, но он произносил эти слова так, что они шли из его ума, и построение всей его беседы было такое, что она до сердца не дошла.

А иногда что-то очень примитивное — а до сердца доходит. Опять-таки, я помню священника, который меня очень поразил, но понял я его только десятилетия спустя. Я был тогда мальчиком лет 10–11 в детском лагере, и был у нас священник, который нам казался ветхим; ему было, вероятно, лет тридцать, у него были длинные волосы, длинная борода, и нам он казался дедом нашим. Но меня поразило в нем, озадачило (тогда я не понимал этого): он всех нас без исключения любил любовью, которая не менялась, с той только разницей, что когда мы были «хорошие», то его любовь делалась ликованием, когда мы были «плохие», его любовь делалась горем, но она никогда не уменьшалась. Тогда это я заметил, поразился, но в десять лет я не умел это осмыслить. Потом я это осмыслил: так нас любит Бог. Его любовь не меняется, но когда мы недостойны самих себя, то для Него это горе, которое кончается, в предельном случае, распятием на Голгофе. Когда, наоборот, мы достойны себя и, значит, Его, то Его любовь делается ликованием.

Прошли годы, и я этого священника встретил на службе Выноса Плащаницы. Я тогда был уже молодым человеком, мы собрались у плащаницы помолиться. Он вышел, стал на колени перед плащаницей и долго стоял так, и мы стояли. Потом он встал, повернулся к нам лицом, покрытым слезами, и сказал: «Сегодня Христос умер за нас. Давайте плакать...» — и заплакал. И это было не сентиментально. Мы увидели, что смерть Христа для него настолько реальна, что он может плакать не над Христом, а над тем, *мы* — причина Его смерти. И это путь, которым мы можем научить ребенка воспринимать то, чего словами мы не объясним.

Кроме того, надо, конечно, ребенка учить. Но опять тут есть два момента, как мне кажется. Первый момент тот, что семья должна его учить все время. То есть не все время ему твердить Божественные истины, а учить его примером, учить тем языком, который употребляется. Я вам могу пример дать об этом опять-таки. Во время немецкой оккупации немцы вывозили из России детей, которых употребляли на работы. Один мой товарищ, такой Ваня, который потом стал в Америке епископом Сильвестром, был допущен к такой группе детей, потому что говорил по-немецки. Среди этих детей он встретил мальчика лет 10–11, который его поразил тем, что его мысли были как бы оформлены Евангелием и что он часто употреблял такие формы речи, которые не были цитатами из Евангелия, но настолько напоминали евангельскую мысль, что мой товарищ его отозвал в сторону и говорит: «Слушай, ты такой маленький — откуда ты так хорошо Евангелие знаешь?» Мальчик ответил: «Евангелие? А что это такое?» — никогда не слышал. Ваня ему говорит: «Евангелие это такая

книга, где говорится о жизни и учении Иисуса Христа». — «А кто это такой?» И продолжая расспросы, Ваня обнаружил, что родители этого мальчика были верующие. Это было сталинское время, дать ему какое бы то ни было религиозное воспитание было слишком опасно; в школе его могли спросить, как других детей спрашивали: А ты знаешь, Кто такое Бог? А ты знаешь то? знаешь сё? — и он выдал бы своих родителей. И родителя взяли за правило *никогда*, во всяком случае, при нем не говорить ничего, что не было бы созвучно евангельской правде. И он Евангелие воспринял как норму жизни, не как «учение» каких-то людей о ком-то или о чем-то, а — «так люди думают», «так мои родители чувствуют». И когда владыка Сильвестр дал ему Евангелие, он начал читать: «Да, да, вот оно так и есть...»

Вот *это* самое истинное воспитание, какое можно дать ребенку. А когда ребенок видит, что родители живут на своем уровне одним образом, а когда снисходят на его уровень, начинают жить по-иному, он сразу понимает, что все это ложь, подлог, что все религиозное воспитание — только способ над ним получить власть. Ведь родителей он может не послушать, а если ему скажут: «А Бог тебя накажет», это будет более убедительно. Это один момент.

Другой момент — школа, скажем, приходская школа. Тут несколько вещей. Во-первых, я повторю о, что сказал раньше: нельзя преподавать истины веры, как преподают историю или географию, их надо преподавать как жизнь. Поэтому, когда, скажем, в Русской гимназии в Париже на экзамене спрашивали ребенка: Расскажи про третье путешествие апостола Павла, я пожимал плечами и думал: какое дело апостол Павел и его третье путешествие имеют к спасению души этого ребенка? Я сам понятия об этом не имею, забыл давно, и мне никогда не было интересно. Павел мне интересен, а куда он ездил — лишь постольку, поскольку там что-то происходило. Поэтому преподавание, заучивание Священной истории как рассказа только разрушает. Кроме того, есть моменты Священной истории, где рассказ как бы не имеет никакого смысла. Возьмите, например, рассказ о Самсоне. Самсон дал своей возлюбленной остричь себя, и у него пропала вся сила. Как на это реагирует ребенок? Что это какое-то колдовство, что в его волосах была какая-то колдовская сила. А все дело в том, что длинные волосы носили те, кто был Богу посвящен. В тот момент, когда Самсон снял с себя волосы и выбросил, его посвящение Богу прошло, и божественная сила от него отошла. И тут два способа рассказать о Самсоне. Один рассказ — нелепый, и никто в него не поверит, или поверит так же, как верит в народные сказки: «сказка и ничего другого»; или рассказ, полный смысла.

И еще я скажу, как я преподавал. Я знаю, что преподают разное, но я шесть лет преподавал группе детей здесь, и до этого преподавал во Франции группам. Я вел беседу так. Мы брали воскресное Евангелие, то есть тот текст, который будет читаться на следующий день (мы собирались по субботам), и я его рассказывал как можно более живо и выпукло, своим

языком, держась Евангелия, ничего не прибавляя, ничего не убавляя, но не употребляя тех выражений или оборотов, которые для детей чужды, непонятны, а стараясь из рассказа сделать что-то живое, интересное для них. А потом я им ставил вопрос: а что *вы* об этом думаете? И в течение часа мы обменивались мнениями. Причем группа состояла из детей от шести до четырнадцати лет, и оказывалось, что немного туповатый 14-летний может чему-то научиться от шустрого шестилетнего, и был постоянный обмен. Причем они сначала старались понять, что тут сказано, как это может быть, почему; затем — как это применить или какие из этого заключения можно сделать для своей собственной жизни. А потом мы этот текст вычитывали на славянском языке или на русском языке, чтобы, когда они услышат его в храме, они все в нем узнали, чтобы каждое слово было, словно рука, которая коснулась струнки в их душе, чтобы от этого прикосновения у них запела душа.

Вот, я сказал «запела душа», и мне вспомнилось еще нечто. Мне было тогда 19 лет, и я в Париже на Трехсвятительском подворье на клиросе читал рядом с очень старым монахом, дьяконом, таким отцом Евфимием. Он был очень стар и очень разбит жизнью, и он читал и пел с такой невообразимой быстротой, что я даже глазами не мог уследить по книге. Когда служба кончилась, я ему сказал (знаете, в 19 лет иногда бываешь очень дерзким): «Отец Евфимий, вы сегодня у меня украли всю службу; а что хуже — вы, наверное, ее и у себя украли, потому что вы не могли ничего понимать из того, что вы читали». Он заплакал и сказал: «Ты меня прости! Но знаешь, меня пяти лет отдали в монастырь из деревни, потому что кормить было нечем. Я все эти святые слова сначала слышал, потом читал, потом пел, уже 80 лет с лишним, и теперь, когда я вижу слово, раньше чем я даже его произнесу, словно какая-то рука касается в моей душе струны и вся моя душа поет перед Богом». Я подумал: какой позор! Я ползу глазами со слова на слово и никак не отзываюсь, или изредка то-то дрогнет в душе, а он глазами пробежал — и у него вся душа поет, как арфа... Это очень важно.

А кроме того, когда мы в школе занимались, я поднимал с детьми нравственные вопросы. То есть: что у вас случилось на этой неделе? — поссорились, или обманули кого-то, украли что-нибудь — все равно что. И мы начинали нравственный разбор этого поступка. Ты, Андрюша, вот что сделал (говорили они): ты не только играл мячиком во дворе, но ты нарочно пустил мячиком в окно. Почему? Что тебя побудило?.. Он что-то сказал, другой мальчик что-то добавил, и завязывалась беседа. Но что было в этом поучительного? Конечно, не то, что он разбил окно, а то, что по ходу беседы постоянно кто-нибудь говорил что-то, что можно было отнести к Священному Писанию. И я их останавливал: А! Ты это сказал; а до тебя это апостол Павел сказал. Вот посмотрим в книгу... Ты так сказал? — это в Евангелии сказано уже до тебя... И вот так постепенно, исходя из проступков или из каких-нибудь радостных событий жизни, мы вплетали в жизнь евангельские рассказы, апостольские слова, Христовы заповеди,

Его пример и т.д. И вот мне кажется, что в этом заключается религиозное воспитание ребенка в школе.

Кроме того, это имеет и другое измерение. Если школа построена так, чтобы она была действительно товариществом между детьми, то есть детей между собой и детей со своими преподавателями, то это место, где они могут научиться измерению жизни, которого на улице не найдешь, то есть товариществу, лояльности, правдивости и т.д. И мы можем тогда, потому что создаем такую среду, постепенно создать общество детей, которые, вырастая в подростков и взрослых людей, будут способны осознать (не потому что их дрессировали, а потому что они с детства тому научились и восприняли), что мир, в котором мы живем, должен стать иной.

И еще: когда они будут подростками, рано или поздно перед ними неминуемо встанут нравственные проблемы. Если они никогда не были в единой, единомысленной среде, причем единомысленной со Христом, единомысленной с Богом, то они пойдут за советом на улицу, к школьным товарищам и получают ответы, которые могут быть совершенно разрушительны. Если же в приходской школе создается настоящее товарищество, причем товарищество, которое хочет строить жизнь (на каждом уровне можно строить жизнь, на каждом возрастном уровне это возможно), то они пойдут к своим, и своим им скажут: нет, так нельзя, ты будешь недостойн себя самого, ты будешь недостойн нашего товарищества, ты не будешь достоин имени русского человека, твоего звания православного... И это может человеку помочь стать на ноги, когда он уже начинает падать на колени. Вот почему мне кажется, что церковная школа в этом отношении может иметь громадное значение. Не потому что ты научишься конкретным фактам о жизни Христа, а по тому, что она тебе дает. Та девушка, о которой я вам говорил раньше, которая ожила душой, когда начала петь русские песни, как-то при мне (я не должен был слышать, но слышал) сказала кому-то из взрослых: «Знаете, отец Антоний нас никогда ничему не учит, но он нас так вдохновил Евангелием, что мы сами из него начали учиться». А если не вдохновить, как только ты кончишь говорить, все как-то замирает в молчании.